

УДК 81

Л. В. Алеева

АТТРИБУТИВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ЛИРИКЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

В статье проведен анализ словотворчества Игоря Северянина.

Несмотря на удивительный, неповторимый идиостиль этого поэта, его приверженность к необычности вербального выражения, результаты исследования говорят о полной прозрачности мотивации и потенциальности неударов Северянина. Используемые им словообразовательные модели регулярны. Такой парадокс: необычное звучание, яркая метафоричность, с одной стороны, и соответствие нормам словообразования, с другой.

Необычность при внимательном рассмотрении заключается в способности соединить диффузные элементы бытия в один художественный образ. Выражаясь иначе, в способности собрать в одно слово совокупность смыслов развернутого базового словосочетания, номинировать многокомпонентное в семантическом плане понятие одной лексемой.

Ключевые слова: словотворчество, неодериват, метафоричность и потенциальность, мотивированность, словообразовательная модель.

L. V. Alpeeva

ATTRIBUTIVE VERBAL FORMS IN THE LYRICS BY IGOR SEVERYANIN

The article gives the analysis of creation of words by Igor Severyanin.

In spite of amazing, unique, idiomatic style of the poet, his fidelity to the unusual verbal expressions, the results of the research confirm full transparency of motivation and potentiality of neo-derivatives by Severyanin. Derivational models used by Severyanin are regular. The paradox is, on the one hand, unusual speech, brightly metaphorical, however strictly following the standards of derivation. Peculiarity, at close scrutiny, is in his ability to connect diffuse elements of existence in one artistic image. In other words, in the ability to assemble the collection of meanings of a detailed base word combination in one word, to nominate semantically multi-componential notion by one lexeme.

Keywords: creation of new words, neo-derivative, metaphor and potentiality, motivation, derivational model.

Микрокосм лирики Игоря Северянина «бриллиантится» (используем придуманное им слово) смелыми образами, облаченными в не менее смелую форму. «Осмысленные неологизмы», как их называл сам поэт, значились в «Скрижалях Академии Эгопоэзии» – программном манифесте эгофутуризма – пунктом четвертым, далеко не последним. Северянин как будто выдумывал новый словарь, о чем Ходасевич писал так: «...поток непривычных, как бы только найденных слов создает для читателя неожиданную иллюзию: начинает казаться, будто акт поэтического творчества совершается непосредственно в нашем присутствии... Это и дает Северянину возможность с примечательной остротой выразить то, что является главным содержанием поэзии Северянина: чувство современности, биение ее пульса» [1, с. 2].

Лирический текст – максимально экспрессивная единица, где на первый план выходит эмоциональное состояние и переживания лирического героя. «В художественном дискурсе эмоционально-

экспрессивное пространство как бы перекрывает событийную линию, доминируя над пространством информационным» [2, с. 18]. Но тончайшие оттенки чувств зачастую не имеют вербального воплощения в общепринятом языке, и стремление как можно более выпукло и четко выразить их обычно реализуется при помощи деривации. «Необычность писательского слова внешне противоречит прописным грамматическим истинам, а на деле оказывается точностью искусства, точностью свежего взгляда на примелькавшиеся вещи» [3, с. 257].

Неодериваты Северянина мотивированы, имеют семантические и формальные ассоциации с номинатом, в них вычленяются, хотя и не всегда однозначно, формально-смысловые элементы, чего нельзя сказать о многих находках представителей других направлений футуризма.

Среди слов с процессуальной семантикой в языкознании традиционно выделяются непосредственно глагольные формы (личные, спрягаемые), а также причастия

и деепричастия (атрибутивные формы). Именно данный пласт лексики превалирует в произведениях Северянина, что связано, как представляется, с неперенной лирической взволнованностью, постоянным движением эмоций лирического героя и непрерывным переливанием из одного состояния в другое окружающего его мира. Отметим попутно, что среди неологизмов общенародного языка первое место на любых временных срезах занимают, напротив, субстантивы. К данному выводу относительно современного этапа развития и функционирования языка можно прийти, анализируя материалы словарей новых слов, язык современной публицистики. Следовательно, глагольная лексика – это речевая доминанта, свойственная именно идиостилю Игоря Северянина.

Деривационные модели, используемые поэтом для образования глаголов, разнообразны. Хотя в поэтической речи словообразование является более раскрепощенным, чем в стандартном языке, в лирике Северянина большая часть новообразований является потенциальными словами, т. е. продуцированными по имеющимся словообразовательным моделям. Потому, конечно же, не прав был В. Брюсов, утверждая, что Северянин не имеет понятия о законах словообразований.

Область возможного – вот фундамент словотворчества Игоря Северянина. Его дериваты легко членятся, мотивация их прозрачна, потому они, органично вплетаясь в текст, его образную систему, не пропадают втуне, а впитываются читателем. Чаще всего это суффиксальные и суффиксально-префиксальные отсубстантивные и отадеквативные дериваты, например: *арфеть* (*арфа*), *святеть* (*святой*), *кострить* (*коштер*), *седить* (*седой*), *хрустальить* (*хрусталь*), *окалошить* (*калоша*) и т. д. Благодаря семантике аффиксов, соединяемых с известными языку основами, с ними происходят значительные лексические метаморфозы, создающие новые кванты смыс-

ла. Многими критиками (А. В. Науменко, В. П. Григорьевым, В. Рождественским и др.) отмечалась как наиболее распространенная среди неодериватов Северянина модель «о= + глагол» [4]. С этим нельзя согласиться, т. к. приставка о= не является самостоятельным формантом в авторских новообразованиях поэта, она всегда задействуется вкупе с постфиксами (в широком значении), из которых чаще всего наблюдается суффикс =и=: *овагонить*, *олазорить*, *окудесить*, *оперлить*, *офлерить*, *окольчить*, *осуеверить*. Единственным примером префиксального деривата, продуцированного при помощи данного форманта является *онедужить* («Медальоны. Бизе»).

Интересно отметить, что достаточно большое количество глаголов образовано от существительных, тематически связанных с различными явлениями природы, временами года, суток: снег → снежить, листва → полистветь, солнце → солнцеветь, ручей → руччиться, водопад → водопадать, молния → вломниться, огонь → огневеть, весна → весенеть, лето → отлетить, осень → заосенеть, утро → утредить.

Некоторые наиболее значимые в лирике Северянина символы служат источником порождения целых авторских парадигм и цепочек: лед → выльдить, зальдиться, обезольдиться; луна → лунеть, луниться → лунящийся, олунить → олуненный; весна → весенеть, весениться, море → мореть, морево (сущ.), моревой → морево (нар.); ветер → ветрить → ветриться, трель → трелить → протрелить, ночь → ночеть → заночеть.

Любое «стихотворение – сложно построенный смысл. Все его элементы – суть элементы смысловые, являющиеся обозначением определенного содержания» [4, с. 38]. Такие слова, как лунеть, мореть, ночеть и подобные, являются актом метафорической номинации, соединяющей диффузные элементы бытия в некую смысловую совокупность.

Среди атрибутивных глагольных форм менее всего деепричастий: оглупив, огимнив, захлебывая, молоточа, сенокоса, окандалив, накорзинив, обананася, качеля, обволокнув, эскизя, наркозя, разлоконив. Здесь ненормативна опять-таки не данная форма сама по себе (использованы стандартные суффиксы =в= и =а/я=), а отсутствие глагола как исходной формы для названных деепричастий. И если достаточно распространены случаи создания причастий от несуществующих глаголов, что отмечалось русистами еще в 50-е годы, а сами случаи наблюдаются еще с начала XIX века (ср.: пушкинское «...я огончарован»), то наличие деепричастных форм при отсутствии глагола – явление редкое и в наши дни, когда сфера чересступенчатого словообразования имеет тенденцию к значительному расширению, и совсем исключительное в начале прошлого века.

Потенциально возможные глаголы здесь могли бы быть образованы по тем моделям, которые встречаются у Северянина регулярно и названы нами выше: глупый → оглупить, гимн → огимнить, сенокос → сенокосить. Всего лишь в двух случаях – это отглагольные дериваты, причем один образован усечением постфикса =ся (захлебывая), абсолютно не свойственным нормативному языку способом, а другой замыкает ряд видовых корреляций в глагольной цепочке: волочь → обволочь → обволакивать → обволокнуть (обволокнув).

В большинстве текстов данные деепричастия, как и все неодериваты, выполняют в первую очередь номинативную функцию, обозначая действие, как-то связанное с тем, что названо мотивирующим словом: огимнив – «сделав гимном», оглупив – «сделав глупым» и т. д. Но некоторые из них появляются в тексте и по другим причинам. Тонкий стилист, Северянин заботится не только о смысле, но и о музыке поэтического слова, потому его неологизмы, в отличие от кубофутуристических,

ориентированы на благозвучие. Так, функция номинации не единственная для деепричастия качеля, которое используется в значении нормативного качая прежде всего для аллетирации в качестве одного из звеньев фонетического ряда л – к – ч в стихотворении «Лунные блики» (1919):

Лучше скользить лианно к солнечному Граалю.
Кроликов лунно-бликих ловко ловить в атлас
Платьев лиловых в блестках. Пламенно лик
реально
И, реализм качеля, плачу печалью глаз.

В этом четверостишии наиболее встречаемые звуки – это <л'> (12 раз), <л> (11 раз), <к> (7), <ч> (5). «Изысканность рифм и почти скрипичную напевность» лирики Игоря Северянина отмечал В. Рождественский, в целом отрицательно воспринимавший словотворчество Северянина, как «претенциозное и кричащее» [5, с. 13–17].

При анализе атрибутивных форм сразу бросается в глаза, что среди новшеств преобладают слова со значением процессуального признака (причастные формы), которые составляют 58 % от всех авторских новообразований.

Частеречный статус подобных слов современной лингвистикой однозначно не определен: их относят то к причастиям «от неупотребительных глаголов» (такие формулы видим в толковых словарях), то к прилагательным. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь общее значение процессуального признака данных слов с заметными видо-временными и субъектно-объектными семами. Так, например, в словосочетании *оукленные грумики* («Городская осень») признак указывает на состояние, в которое приведен объект в результате определенного действия, т. е. налицо временная сема (процесс завершен), видовая сема (достигнут некий результат), залоговая сема (направленность действия на пассивный объект).

И если в лирике других поэтов (ср., например, с В. Маяковским) типичны именно такие причастные формы (страдательного залога, совершенного вида, прошедшего времени), то у Игоря Северянина они представлены самыми разнообразными моделями, где субъектно-объектные и видо-временные отношения в пределах адъективной единицы варьируются достаточно широко.

1. Модель «существительное + причастный суффикс =ющ/ящ(ий)» со значением «характеризующийся действием или состоянием, связанным с мотивирующим словом»:

Разве же способен мяч футбольный
И кишок *фокстротящих* труха
Разобраться с болью богомольной...

(«Поэту»)

Без слез рыдал *иронящий* Уайльд...

(«Оскар Уайльд»)

И поплыл я, вдыхая сигару,
Ткя седой и *качелящий* тюль...

(«Экссерка»)

И в рыбном, у кустов, угаре
Азартящие рыбаки.

(«Рыбная ловля»)

Несмотря на отсутствие соответствующего мотивирующего глагола в языке, данные адъективы имплицитно содержат вербальное значение. Эта модель не отмечена в «Русской грамматике» (1980), отсубстантивный суффикс =ющ/ящ= не числится ни в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» (1996), ни в «Словообразовательном словаре русского языка» (1985) А. Н. Тихонова. Это говорит об индивидуальности данной схемы продуцирования адъективов, которая тем не менее абсолютно прозрачна, т. к. слова, образованные по ней, легко декодируются читателем. Эти дериваты составляют 6,8 % от потенциализмов Игоря Северянина.

Разновидностью данной модели является схема, где представлен глагольный суффикс перед =ющ=:

Ты проходишь *мор/е/ющим* полем
Фиолетовым и голубым.

(«Поэза маковых полей»)

Ландыши воздушные, реющие ландыши,
Вечером *зим/е/ющим* льдяно зацвели...

(«Тундровая постель»)

Телам легко и сладко слиться

Для *весен/е/ющих* забав.

(«Поэза предвесенних трепетов»)

Если учесть, что производящие глагольные основы *мореть*, *зиметь* и *весенеть* присутствуют в поэтическом языке Северянина, то можно говорить о стандартной, не эллиптической деривации.

2. В большинстве случаев образование слов со значением процессуального признака происходит у поэта посредством присоединения нескольких морфем разного статуса, т. е. можно говорить не об одной пропущенной глагольной ступени, а нескольких, либо о пропущенном префиксально-суффиксальном глаголе, например:

И почему рябины кисточки
Пугают взоры быстрой ласточки,
На юг *завеерившей* перышки?

(«Триодиссона»)

Вдоль рябины, *нагроздившей*
Горьковатый коралл,
Мы проходим дорогою...

(«Узор по канве»)

И ждать, как ждет подпоездник колес,
Невысмертивших мук!

(«Рондо оранжевого заката»).

Предполагаемые пропущенные ступени могут выглядеть так: веер → завеерить → завееривший, гроздь → нагроздить → нагроздивший, смерть → высмертить → высмертивший → невысмертивший. Данная модель – наименее распространенная среди атрибутивных форм, она составляет 2,3 % от общего количества новообразований поэта.

Среди причастных образований с суффиксом =вш= у Северянина встречается

